

УДК 81'37: [811.161.1+811.111]
ББК 81.0

Л.В.Гриченко

КОНТРАСТ: ОСОБЕННОСТИ ЕГО СЕМАНТИКИ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ В ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена анализу средств выражения контрастивных отношений в русских и английских пословицах. Затрагивая проблемы семантических и лингвокультурных отличий в выражении контраста, автор акцентирует внимание на многоступенчатом и комплексном характере выражения контраста системой разноуровневых средств. Наличие нескольких средств передачи семантики контраста в русских и английских пословицах служит нескольким целям: активному воздействию на адресата, интенсификации пословицы и контекста, достижению иллокутивного и перлокутивного эффектов.

Ключевые слова: *пословица, контраст, экспрессивность, оценочность, семантика, коммуникативное функционирование.*

Гриченко Людмила Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и словесности Южного федерального университета

Тел.: 242-03-70

E-mail: rgriченко@yandex.ru

Известно, что пословица любого языка является знаком типовой ситуации, в которой находят отражение образы и ассоциации, соответствующие антропоцентрическому отражению действительности представителями определенного этноса. Особое место пословицы в системе единиц языка и речи определяет несколько факторов: богатый коммуникативно-функциональный потенциал, позволяющий рассматривать пословицу как коммуникативно-прагматический омокомплекс, наделенный обще-назидательной, оценочной и побудительной функциями; а также лексический состав и структурная организация, определяющие комплексный характер семантики цельнооформленной единицы и ее компонентов, в совокупности реализующих экспрессивный, эмотивный, оценочный и интенсифицирующий компоненты значения. При вербализации пословицы сложный характер ее семантики образуется арсеналом разноуровневых средств, принадлежащих к различным языковым категориям и сгруппированных по принципу сходства, смежности, тождества и контраста.

Несмотря на широкую разработку в современной лингвистике вопросов репрезентации семантики контраста в языке и пословичном фонде (Т.Г. Бочина, А.В. Кузнецова, Т.И. Филиппова, С.А. Станиславская), многие вопросы остаются дискуссионными: до сих пор не установлен окончательный набор средств репрезентации исследуемой семантики в русском и английском языках, недостаточно изучен механизм соз-

дания контраста системой разноуровневых средств и их взаимодействие в пословицах разных языков; требуют особого внимания когнитивные аспекты представления в языке и речи логичного и противоречивого, формирующие, в конечном итоге, контраст.

Перспективным в этой связи представляется компаративный анализ языковых средств репрезентации семантики контраста, ключевой в построении пословичных изречений русского и английского языков и основополагающей при объективизации окружающей действительности.

Учитывая тот факт, что человеческое мышление строится по принципу противоположности, противопоставления и противоречия, логичным представляется рассмотрение контраста как одного из средств репрезентации полярной семантики оценочности и экспрессивности в разнотипных языках. В этой связи справедливым представляется мнение Т.Г. Бочиной, согласно которому контраст является «одним из фундаментальных композиционно-стилистических принципов развертывания речи и универсальным художественным принципом пословичного жанра» [Бочина, 2003, с. 4]. Продолжая свои рассуждения, Т.Г. Бочина указывает, что «универсальность принципа контраста в пословичных изречениях прямо связана с особенностью логико-семиотического устройства пословицы, которая является знаком ситуации» [Бочина, 2008, с. 313].

По нашему мнению, данное положение можно расширить и признать, что, по существу, построенное на контрасте содержание пословицы, являясь диалогическим противопоставлением двух содержательно-логических планов изложения, коренится в обыденной когнитивной деятельности индивида любого этно-лингвокультурного сообщества. Изначально формируя «ситуацию контраста» на уровне когнитивных (ментальных) процессов в сознании говорящего, разделяющего мир на противоположные полюса, а затем и на уровне языкового оформления высказывания лексическими средствами и синтаксическими моделями, контраст как явление и в русском, и в английском языке опирается на объективный мир вещей, служащий основанием возникновения наименований, ассоциаций и переносов.

Таким образом, в разнотипных языках возможный на уровне лексики, семантики и синтаксиса контраст в пословичных структурах нацелен на репрезентацию логичного и обоснованного путем эксплицитного / имплицитного сравнения с противоположным. Как следствие, русские и английские пословицы с контрастом представляют собой пример когнитивной деятельности личности, ориентированной как на интуитивно-образное, так и на логико-вербальное освещение событий, и относятся к структурам, в которых реализуется семантика экспрессивности и оценочности, в совокупности определяющие богатый коммуникативно-прагматический потенциал пословиц. При этом синтаксические особенности построения пословичной структуры играют не меньшую роль в создании семантики контраста. Сочинительные союзы

а, да, но позволяют противопоставить как компоненты корреляционных рядов, так и части сложного предложения, что способствует укреплению семантики контраста, возникновению особого интонационного рисунка, обладающего соответствующей поэтикой и ритмикой. Частое в пословицах русского и английского языков одновременное функционирование лексических и синтаксических средств позволяет при реализации общей семантики контраста в пословице выделить первичные и вторичные средства ее репрезентации, описать контекстуальные особенности их реализации с учетом интенсификации / деинтенсификации семантики контраста.

Существующий диапазон средств репрезентации семантики контраста в пословичных фондах русского и английского языков представляет собой совокупность эксплицитных и имплицитных средств, относящихся к различным уровням языковой системы, и может быть проанализирован с учетом полевого принципа. В обоих языках в центре ассоциативно-семантического поля контраста располагаются узуально-закрепленные средства, на периферии – примеры ассоциативного противопоставления, которые относятся к несистемным.

По нашему мнению, к ядру поля контраста в пословичных фондах русского и английского языков, прежде всего, правомерно отнести абсолютные антонимы, которые выражают описываемое значение в любом контексте и являются узуально закрепленными. В отношении понимания антонимичных пар мы принимаем точку зрения Л.А. Булаховского, Н.М. Шанского, Л.А. Новикова, считающих антонимами как однокорневые, так и разнокорневые слова.

В качестве разнокорневых антонимов в пословичных фондах русского и английского языков встречаются единицы, принадлежащие к различным частям речи, однако, репрезентируя ядро поля контраста, в отношения дихотомии вступают единицы, принадлежащие только к одной части речи: *Тупой серп кожу режет, пуще острого* [Даль, т. 3, с. 31]; *Родимая сторона – мать, чужая – мачеха* [Даль, т. 2, с.12]; *A clean fast is better than a dirty breakfast* [Модестов, с. 13]. При этом, независимо от того, какая часть речи формирует коррелятивную пару, в обоих языках данное противопоставление выступает соотносительным, так как строится компонентами, находящимися в одной и той же лексической и грамматической (по признаку отнесенности к одной и той же части речи) парадигме.

Особенно частотными в пословичном фонде русского языка оказываются коррелятивные пары качественных прилагательных и наречий, семантика которых связана с чувствами, переживаниями, качеством предмета, его направлением или положением в пространстве: *Мягко стелет, да жестко спать* [Даль, т. 3, с. 20], *Говорит направо, а глядит налево* [Там же, с. 20]; *Молодой журавль высоко взлетел, да низко сел* [Даль, т. 2, с.71].

На материале английского языка подобная тенденция прослеживается в отношении прилагательных: *A bad compromise is better than a*

good lawsuit [Модестов, с. 9], в то время как наречия оказываются менее частотными: *A joke never gains an enemy, but often loses a friend* [Там же, с. 20]. В обоих языках семантика контраста, формируемая разнокорневыми антонимами, как правило, подкрепляется другими средствами. Например, в последнем примере семантику контраста также репрезентируют: антонимичные существительные и глаголы, а также синтаксическое построение конструкции.

Также коррелятивные пары, находящиеся в ядре, в обоих языках формируются абстрактными существительными: *добро – зло, жизнь – смерть, любовь – ненависть, молодость – старость, love – hate, life – death*, в которых логическое противопоставление внутри одной сущности обуславливает реализацию контрарной антонимии. Существование и широкая распространенность данного типа пословиц в обоих языках связана с их стремлением быть ориентированными на передачу нравственных идеалов, стереотипов коммуникативного, бытового и социального поведения, а также базовых ценностей: *Добро худо пережмет* [Даль, т. 1, с. 237]; *Молодость плечами покрепче, старость головою* [Даль, т. 2, с. 81]; *A great fortune is a great slavery* [Модестов, с. 23].

В русском и английском языках сочетание определительных местоимений (*весь, все, всякий, каждый, every, each, all*) с обобщающей или конкретизирующей семантикой и отрицательных (*ничто, никто, none*), обозначающих в совокупности крайние точки наличия / отсутствия предмета или лица, также формируют контрастивные отношения с семантикой множественности – единичности и располагаются в ядре поля: *За все взяться – ничего не успеть* [Даль, т. 2, с. 38]; *За мужа завалюсь, всем насмеюсь, никого не боюсь!* [Там же, с.104]; *A friend to all is a friend to none* [Модестов, с. 19].

Особенно частотны в русском языке оппозиционные отношения на основе повтора глаголов с использованием частицы «не»: *Не ищи красоты, ищи доброты* [Там же, с. 92]; *Ныне не спрашивай старого, спрашивай малого* [Там же, с. 80]. Выступая средством создания экспрессивности, совокупность лексических приемов повтора и контраста служит целям усиления языковой выразительности, прагматического воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата, создает эффект ритмизации структуры и способствует ее быстрому запоминанию. Для английского языка формирование семантики контраста на основе повтора глаголов и добавления отрицательной частицы является скорее исключением, чем закономерностью: *Don't trouble trouble until trouble troubles you* [Модестов, с. 94].

Частотными в этой в глагольной группе русского и английского языков оказываются разнокорневые антонимы: *Глазами плачет, а сердцем смеётся* [Даль, т. 3, с. 19]; *Когда деньги говорят, тогда правда молчит* [Даль, т. 1, с. 150]; *A door must be either shut or open* [Модестов, с.15] и конверсивы: *Возьмешь лычко, а отдашь ремешок* [Даль, т. 2, с. 454]; *Хороших не отдают, а плохую взять не хочется* [Там же, с. 91]; *A full man may ask more questions than a wise man can answer* [Модестов, с.17].

Далее в структуре ассоциативно-семантического поля контраста в обоих языках располагаются единицы, находящиеся в зоне его ближней периферии. К этой группе нами относятся пословицы русского и английского языков, в которых разнообразные коррелятивные пары формируются элементами, принадлежащими к одной тематической группе. При этом семантика и лексический состав групп в обоих языках характеризуются универсальностью и специфичностью.

Так, например, в русском языке отдельную группу составляют существительные, репрезентирующие родственные и социальные позиции субъекта в обществе (*мужик* – *баба*, *мать* – *дочь*, *отец* – *сын*; *дети* – *родители*): *Баба с кромою, а дед с сумою* [Даль, т. 2, с. 66]; *Не спрашивают отца, спрашивают молодца* [Даль, т. 2, с. 69]. В английском языке этой тематической группе соответствуют существительные *man* – *woman*, обозначающие гендерные и социальные позиции субъекта в обществе: *A man is as old as he feels, a woman a sold as she looks* [Модестов, с. 32]; *Man is the hunter, woman is his game* [Там же, с. 206]; *Men make houses, women make homes* [Там же, с. 210], или коррелятивные пары, обозначающие родственные отношения: *Many a good father has but a bad son* [Там же, с. 207].

Этно-лингвокультурное своеобразие в выражении семантики контраста проявляется и в тематической группе существительных «части тела». В русском языке компоненты коррелятивных пар данной тематической группы, как правило, противопоставлены по признаку семантической и грамматической единичности / множественности: *Дурной голове ногам покоя нет* [Даль, т. 2, с. 419]. В английском языке противопоставленность внутри тематической группы может и не подкрепляться контрастом на уровне средств выражения грамматического числа: *Better the foot slip than tongue* [Модестов, с. 65]. Также в примерах английских и русских пословиц, когда оба компонента лексически представлены названиями частей тела, нередко семантика одного из них является переносной (метафорической): *A honey tongue, a heart of gall* (*heart* = *soul*) [Там же, с. 24].

Особенностью компонентов корреляционных рядов данной группы пословиц является и то, что нередко в английском языке один из компонентов тематической группы «части тела» именуется по смежности и обозначается через физическую или умственную способность субъекта, которая находится в контрастивных отношениях с другим компонентом: *A fools tongue runs before his wit* [Модестов, с. 18].

Отдельная тематическая группа представлена названиями животных, часто сгруппированных в конвенционально закрепленные контрастивные пары (*кошка* – *собака*, *собака* – *волк*, *кошка* – *мышка*; *петух* – *курица*; *конь* – *кобыла*; *a cat* – *a mouse*; *a dog* – *a cat*), которые в русском языке также могут быть противопоставлены по грамматическому признаку рода и числа: *Волка на собак в помощь не бери* [Даль, т. 2, с. 294]; *Голодный волк сильнее сытой собаки* [Там же, с. 296]; *Кошки грызутся,*

а мышам раздолье [Даль, т. 1, с. 437]; *A cat in gloves catches no mice* [Модестов, с. 12].

Таким образом, в отношении данных пословиц на отнесенность средств репрезентации семантики контраста к ближней периферии поля влияет комплекс признаков: степень семантической спаянности компонентов и конвенциональной закрепленности, этно-лингвокультурная обусловленность семантики компонентов, родовые отличия, возможные гипонимические отношения. Образующиеся коррелятивные пары основываются на неких стереотипных представлениях об окружающей действительности и затем конвенционально закрепляются. По мнению Н.Ф. Алефиренко, ассоциативно-вербальная сеть хранит стереотипы языкового сознания именно благодаря предсказуемым векторам ассоциаций [Алефиренко, с. 21]. Подобной точки зрения придерживается и Е.И. Селиверстова, которая указывает, что «при создании ПЕ (паремиологической единицы. – Г.Л.) человек следует не только фонологическим и грамматическим трафаретам, но и некоему направлению в выборе словесного репертуара, во многом определяемому ассоциациями» [Селиверстова, с. 264].

В приведенных примерах: *Курица гогочет, а петух молчит* [Даль, т. 2, с. 67]; *Живут как кошка с собакой* [Даль, т. 2, с. 318]; *Agree like dog and cat* [Модестов, с. 23] средства выражения семантики контраста относятся к ближней периферии, так как присутствующие наименования птиц противопоставлены либо по родовым (половым) характеристикам (мужской пол/ женский), либо обнаруживают высокую степень семантической спаянности компонентов. Основанные на метафорическом переносе и наделенные переносным значением данные коррелятивные пары оказываются антропоцентричны по сути и формируют перенос свойств и характеристик по смежности и сходству. В большинстве случаев знание о свойственных им чертах закреплено в обоих лингвокультурах и правильно распознается их носителями. Высокая частотность употребления данной группы пословиц и в русском, и в английском языке объясняется их генетической ориентированностью на регуляцию бытовых и социальных отношений, нацеленностью на назидание и нравовосложение.

Также к зоне ближней периферии уместно отнести русские и английские пословицы, в которых контрастивные отношения формируются однокорневыми деривационными антонимами: *Худой non свенчает, и хорошему не развенчать* [Даль, т. 2, с. 88]; *Better untaught than ill taught* [Модестов, с. 65]. В однокорневых антонимах русского и английского языков противоположность значения обусловлена присоединением семантически различных приставок, которые, как и слова, могут вступать в антонимические отношения. В данном случае речь идет о словообразовательных антонимах, возникших в результате деривации с помощью словообразовательных средств.

В примерах пословиц с однокорневыми антонимами особенно ярко прослеживается идея об одновременной противопоставленности и вза-

имообусловленности элементов противопоставления. Подобным деривационным антонимам свойственна высокая степень эксплицитности ввиду содержания одной и той же корневой морфемы, использование которой ведет к упрощению механизма декодирования информации: *У корысти всегда рожа **бескорыстна*** [Даль, т. 3, с.29]; *Из старого ума **выжили**, нового не **нажили*** [Даль, т. 2, с. 72]; *Седина **напала** – счастье **пропало*** [Там же, с. 74]. В пословичном фонде русского языка однокорневые антонимы встречаются среди всех лексико-грамматических рядов слов, однако особой частотностью обладают глагольные антонимы, ввиду того, что эта часть речи отличается богатством приставочных образований.

Среди случаев формирования контрастивной семантики в зоне ближней периферии поля контраста в русском языке нами были выделены примеры, в которых контрастивная семантика формируется фразеологизированной конструкцией «предлог + существительное» в сочетании со свободным употреблением предлога и этого же существительного: *Чего **нет за шкурой**, к **шкуре** не **пришьешь*** [Даль, т. 2, с. 219]; ***В глазах** мил, **за глаза** постыл* [Даль, т. 3, с. 28]. Данные примеры, хотя и не являются частотными, но представляют собой яркие и нетипичные случаи формирования контраста не только в языке пословиц, но и в языке в целом. Как правило, противительная семантика таких пословиц подкрепляется антонимичными парами других элементов наряду с возможностью употребления синонимических единиц различной стилистической окрашенности (*очи – глаза*): ***Не хвали** меня **в очи**, **не брани за глаза*** [Даль, т. 3, с. 28].

В этой же зоне располагаются глаголы противоположного ситуативного действия, традиционно не представляющие антонимичных пар в обоих языках, но способные формировать семантику контраста в условиях реализации пословицы на письме и в речи (*говорить – делать, плакать – плясать, say – do*): ***Говорит** прямо, а **делает** криво* [Там же, с. 26]; *Горько **плачет**, а в присядку **пляшет*** [Даль, т. 3, с.19]; ***Do as I say, not as I do*** [Модестов, с. 90]. В приведенных примерах компоненты коррелятивных пар сосредоточены по принципу контраста, основанного на сопряжении позитивной и негативной семантики элементов. При этом аксиологическая направленность компонентов не является фиксированной в пословичном фонде и может меняться в зависимости от содержания пословицы и контекста. Например, содержащийся в следующих пословицах глагол «кланяться» имеет противоположную аксиологическую направленность: ***Поклониться** вперед **пригодится*** [Даль, т. 3, с. 66]; ***Одному богу молится, а другому кланяется*** [Там же, с. 22].

Таким образом, в большинстве своем коррелятивные пары, находящиеся в зоне ближней периферии, характеризуются высокой степенью этно-лингвокультурной детерминированности в обоих языках и обуславливают полусвободную сочетаемость элементов внутри пословицы. В процессе коммуникации один из использованных компонентов коррелятивной пары вызывает в сознании адресата устойчивые ассоциации

со вторым компонентом, что ведет к «сужению круга синтагматических партнеров» [Кобозева, с. 186]. Будучи связанными с культурными представлениями и традициями, данные контрастивные отношения оказываются, как правило, этно-лингвокультурны.

Подобное возможно ввиду существующих в каждой лингвокультуре особенностей представления и отображения действительности, которые закрепляются в языковых средствах и являются традиционными. Реализующаяся в этом случае семантика контраста представляется национально-детерминированной и может различаться в различных лингвокультурах, «обнаруживая скрытые свойства человеческой природы, которые при этом оказываются различными у людей, говорящих на разных языках» [Зализняк, Левонтина, с. 188].

Пограничное положение в поле контраста (ближняя периферия / периферия) в обоих языках занимают названия денежных единиц, мер длины, высоты и ширины, а также их дериваты, по сути репрезентирующие противопоставление большого и малого. Данные единицы относятся нами к зоне периферии ассоциативно-семантического поля контраста в обоих языках: *Копейка рубль бережет* [Даль, т. 2, с. 49]; *Алтынного вора вешают, полтинного чествуют* [Даль, т. 1, с. 362]; *Муж на вершок, жена на сажок, муж на пядень, жена на сажень* [Даль, т. 2, с. 112]; *An ounce of discretion is worth a pound of wit* [Модестов, с. 38].

Также в зоне периферии ассоциативно-семантического поля контраста в обоих языках располагаются количественные числительные, использование которых в пословицах русского и английского языков изначально нацелено на интенсификацию / деинтенсификацию семантики по шкале количественности, которая затрагивает когнитивные процессы осмысления и сопоставления информации, предполагая реализацию эксплицитной контрастивной семантики. Семантика числительных в обоих пословичных фондах подчиняется принципам функционирования общекультурного числового кода и всегда соотносится с имеющими место в лингвокультуре ассоциациями и стереотипами, являясь конвенционально закрепленной мифологически и символично обусловленной формой представления знания.

Для русской лингвокультуры таковыми числами, имеющими статус «особых», являются числительные: *один, два, семь, три*; для английской – *one, two, nine*. В целом их частотность объясняется прочной традицией пословичных изречений с фольклором, не последнее место в котором занимает символическая составляющая: *Рубль наживает, а два проживает* [Даль, т. 3, с. 49]; *Семь бед – один ответ* [Там же, с. 271]; *One lie needs seven lies to wait upon it* [Модестов, с. 234]. К специфике использования числительных как средств формирования контрастивной семантики в пословичном фонде можно отнести: процесс субстантивации числительного: *Семеро одного не ждут* [Даль, т. 2, с. 181]; *Один с ложкой, а семеро с плошкой* [Даль, т. 3, с. 371]; а также подкрепление отношений контраста семантикой существительного: *Двум господам*

один раб не служит [Там же, с. 20] или глагола: *Семь раз отмерь, один раз отрежь* [Даль, т. 2, с. 93].

Также заслуживает внимания нередко обнаруживающаяся в пословицах русского и английского языков амбивалентность оценки, заложенная в числительном. Так, например, числительное *два*, символизирующее парность, четность, удвоение, в русской и английской лингвокультурах демонстрирует полярную аксиологическую направленность: *Одна голова хорошо, а две лучше* [Даль, т. 2, с. 85]; *Двух зайцев гонять – ни одного не поймать* [Даль, т. 3, с. 58]; *Kill two birds with one stone* [Модестов, с. 184]; *Two heads are better than one* [Модестов, с. 310].

К зоне периферии репрезентации поля контраста в пословичных фондах русского языка нами относятся случаи использования собирательных существительных, отражающих категорию меры и способных противопоставляться другим существительным или субстантивированным существительным. По своей семантике они характеризуются обозначением группы лиц или предметов как единого класса и всегда могут быть противопоставлены единичным предметам: *Семья воюет, а одинокий горюет* [Даль, т. 2, с. 85]. В русских и английских пословицах при этом используются как универсальные наименования совокупности лиц в прямом значении (*семья, толпа, родня, люди, family, team*): *One man doesn't make a team* [Модестов, с. 235], так и наименования в переносном значении (*стадо, отара*): *Одна паршивая овца все стадо портит* [Даль, т. 2, с. 519].

Следующим способом формирования семантики контраста, располагающимся в этой же зоне, выступают примеры межчастеречной антонимии в русском и английском языках, всесторонне освещенные в работах В.Д. Девкина, Э.И. Родичевой, Л.А. Введенской, Н.Б. Боевой-Омелечко: «Если расположить две антонимичные парадигмы номинации напротив друг друга, то отношения между одночастеречными антонимами будут представлены как отношения по горизонтали. Однако учитывая тот факт, что члены парадигмы передают одно содержание, выраженное в разной форме, можно предположить, что между ними возможна также и радиальная связь, объединяющая в оппозиции разные части речи» [Боева-Омелечко, с. 32].

Существующие точки зрения на предмет и сущность межчастеречной антонимии позволяют рассматривать ее как самостоятельное средство формирования контрастивной семантики в пословичных фондах русского и английского языков, выделяя универсальное и специфичное в ее вербализации.

Для пословичного фонда русского языка это, в первую очередь, оппозиционные отношения, формируемые числительным и грамматической формой единственного / множественного числа существительного: *Ласковое теля двух маток сосет* [Даль, т. 3, с. 29]; существительным и определительным местоимением: *Бабка походит – всему делу пособит* [Даль, т. 2, с. 125]; наречием квантификатором (много / мало) и числительным: *Отцов много – а мать одна* [Там же, с. 143] и т.д.

В английском языке межчастеречная антонимия представлена в коррелятивных парах: наречие квантификатор – местоимение: *Dogs that put up **many** hares kill **none*** [Модестов, с. 90]; местоимение – числительное: *All bread is not baked in **one** oven* [Там же, с. 28]; существительное – числительное: *A **gift** in the hand is better than **two** promises* [Там же, с. 20]; местоимение – субстантивированное числительное: *All for **one**, **one** for all* [Там же, с. 28]; прилагательное – существительное: *An **ass** in a **lion** skin* [Там же, с. 34].

Особую группу составляют случаи межчастеречной антонимии в пределах одной тематической группы: *Лесть **без зубов**, а с костью **съест*** [Даль, т. 3, с.17]; *All are not **merry** that **dance** lightly* [Модестов, с. 27]. Данное средство формирования семантики контраста является, на наш взгляд, хотя и завуалированным, но мощным при воздействии на адресата за счет одновременной реализации семантики контраста, иронии и преувеличения.

Особую группу в обоих языках составляют наименования животных, растений или предметов, находящиеся на периферии поля контраста, которые представлены коррелятивными парами с ослабленной конвенциональной закрепленностью (имеют меньшую конвенциональную закрепленность контрастивной семантики по сравнению с репрезентантами зоны ближней периферии): *Орлом **комара** не травят* [Даль, т. 2, с. 291]; *An **ass** in a **lion** skin* [Модестов, с. 34]; *Солома с **огнем** не дружись* [Даль, т. 2, с. 668]. В русском языке данные единицы распознаются адресатом как оппозиционные благодаря наличию отрицания в пословице, а также по стереотипным представлениям об объекте и ассоциативным с ним признакам (*большой – маленький, опасный – менее опасный – безопасный, домашний – дикий* и т.д.), которые и обуславливают их корректное распознавание как антонимичных членами этно-лингвокультурного сообщества. В английском языке: *A **cat** may look at a **king**; **Accidents** will happen in the **best of families*** [Модестов, с. 12]; *A good name keeps its **luster in the dark*** [Там же, с. 34] — раскрытию контрастивной семантики способствует семантика каждого компонента коррелятивной пары, которая, как правило, оказывается полярной.

К зоне крайней периферии ассоциативно-семантического поля контраста в пословичном фонде русского и английского языков относятся нетипичные случаи (средства) реализации семантики противопоставления контекстуальными оппозициями. В языке они представлены существительными и глаголами, характеризующимися синонимичными отношениями с явно выраженной семантикой градации. В пословичных фондах обоих языков именно эта сема градации создает эффект контраста: *С вечера **девка**, со полуночи **молодка**, а по заре **хозяйшка*** [Даль, т. 2, с. 96]; *В девках **сижено** – **плакано**, замуж **хожено** – **выто*** [Там же, с. 89]; *All are good **lasses**, but hence come the bad **wives*** [Модестов, с. 27].

Существенным является и то, что противительная семантика данных существительных и глаголов всегда подкрепляется контрастивными отношениями других элементов пословицы и/или ее структуры:

Мать плачет, что река льется; *жена* плачет, что ручей течет; *невеста* плачет, как роса падает; *взойдет солнце* – *росу* *высушит* [Даль, т. 2, с. 123]. В примерах с контекстуальными антонимами, организованными по принципу контраста, также нередко присутствует лексема, которая находится в противительных отношениях с контекстуальными антонимами, по отношению к которой они выступают однородными синонимичными антонимами.

К зоне крайней периферии нами также относятся случаи с элиминированным вторым компонентом коррелятивной пары, который обязательно существует в сознании говорящего и участвует в противопоставлении. Наличие примеров русских и английских пословиц с экспликацией одного конституента оппозиции: *Своя ноша не тянет* [Даль, т. 2, с. 615]; *Из чужой мощны платить не тяга* [Там же, с. 610]; *Every heart knows its own bitterness* [Модестов, с. 105], хотя и противоречит требованию двучленной формы ее репрезентации, доказывает когнитивную обусловленность функционирования контраста, а также существование прочных ментальных связей и устойчивых ассоциаций между компонентами оппозиции.

Также к зоне крайней периферии выражения семантики контраста в русских пословицах нами относятся случаи использования этнолингвокультурно — маркированных единиц, в которых не лексическое значение, а закрепленные в сознании представителей этноса ассоциации и/или ментальное представление о свойствах и специфике использования предмета в совокупности с другими средствами формирования контрастивных отношений (род существительных, единственное / множественное число), определяют репрезентацию этих отношений. Так, например, в русских пословицах подчеркнутые гендерные отличия полов могут отражаться в контрастивных по семантике метафорических образах и наименованиях (*топор*, *прялка*, *веретено*): *Смирн топор, да веретено бодливо* [Даль, т. 2, с. 65]. Семантика контраста таких примеров подкрепляется сопутствующими средствами ее выражения и корректно распознается участниками коммуникации благодаря наличию фоновых знаний и ассоциаций.

Контрастивная семантика этно-лингвокультурно — маркированных компонентов коррелятивных пар, несмотря на принадлежность к одной тематической группе, по нашему мнению, отличается от семантики единиц, контрастивные отношения которых формируются компонентами одной тематической группы, не представляющими собой реалии (были рассмотрены выше и располагаются в зоне ближней периферии поля контраста). Вторые являются менее экспрессивными, допускают реализацию прямого значения контрастивных компонентов, в случаях метафоризации требуют незначительных усилий адресата при распознавании смысла, легче поддаются декодированию. Компоненты этнолингвокультурно — маркированных корреляционных пар максимально экспрессивны и эмоционально насыщены, их семантика, основанная на конвенционально закрепленных стереотипах поведения, ассоциациях,

характеризуется присутствием национально-культурного компонента, требующего дополнительных когнитивных усилий и фоновых знаний участников коммуникации.

Учитывая абсолютную антропоцентричность пословичного фонда, такие единицы являются описанием поведения, поступков, черт характера какого-то лица и выражают закрепленное национально-детерминированное представление о нем. Особенностью таких единиц является, во-первых, стилистическая нейтральность этно-лингвокультурной маркированности компонентов в языке и приобретаемая ими экспрессивность в пословице и контексте; во-вторых, обязательно продублированная семантика контраста дополнительными средствами; в-третьи, функционирование компонентов корреляционных пар только в переносном значении.

Например, в пословице: *Семь **топоров** вместе лежат, а две **прялки** врозь* [Даль, т. 2, с. 65] заложено противопоставление экспрессивных этно-лингвокультурно маркированных метафоризованных компонентов, под которыми подразумеваются наименования мужского и женского лица. Выступая описанием мужского и женского поведения, данная пословица содержит компоненты, в семантике которых содержатся этно-лингвокультурные представления, понятные и принимаемые в данной общности. Вместе с тем, эта информация представлена имплицитно и содержится в подтексте, так как не лексическое значение, а закрепленные в сознании представителей определенного этноса знания и ассоциации создают контраст, требуя для своего декодирования определенных знаний. В таком случае «осуществление принципа контраста в речи связано не только с выражением онтологической и (или) логической противоположности, но и с субъективным преувеличением различий» [Бочина, 2008, с. 315], на которых и строится система контрастивных отношений.

Таким образом, контрастивная семантика данных корреляционных пар, изначально основанная на этнических коллективных представлениях и ассоциациях, позволяет рассматривать этно-лингвокультурно маркированные компоненты оппозиций в зоне крайней периферии. Присутствующий тип оппозиции носит крайне субъективный характер и может репрезентировать семантику контраста, основанную на гендерном, социальном, возрастном и других аспектах, по которым предметы могут быть противопоставлены. Само существование пословиц с оппозициями этно-лингвокультурно-маркированных единиц подтверждает тесную связь контраста с изначальным интуитивно-образным представлением действительности, а затем и его логико-вербальным представлением.

Итак, проецирование контрастивных отношений на уровне ментальных процессов, свойственное человеческому мышлению и способу объективизации реальной действительности, является ключевым для пословичных фондов русского и английского языков, в которых лексика, грамматика и интонация в совокупности формируют семантику кон-

траста на уровне языка и речи, где пословица и получает дальнейшую интерпретацию.

Существующий диапазон средств репрезентации семантики контраста в обоих пословичных фондах представляет собой совокупность эксплицитных и имплицитных средств, расположенных по полювому принципу, в центре которого находятся узуально-закрепленные средства, на периферии – примеры ассоциативного противопоставления, которые относятся к несистемным.

Репрезентация семантики контраста внутри одной пословичной единицы носит многоступенчатый и комплексный характер и нередко достигается работой разноуровневых языковых средств. Частое в пословицах русского и английского языков одновременное функционирование лексических и синтаксических средств позволяет при реализации общей семантики контраста в пословице выделить первичные и вторичные средства ее репрезентации, описать контекстуальные особенности их реализации с учетом интенсификации / деинтенсификации семантики контраста. В русском языке оппозиционные отношения на уровне лексики часто подкрепляются использованием союзов противительной семантики, контрастом грамматических форм единственного и множественного числа, мужского и женского рода. В английском языке – это также оппозиция форм единственного / множественного числа и построение синтаксической конструкции по принципу контраста.

Стремление пословицы продублировать противоположность на грамматическом, лексическом и интонационном уровнях, детализируя наименования и выделяя смысловые оттенки, связано и с генетическими характеристиками пословицы: содержательными, смысловыми особенностями, назидательностью и дидактичностью, когда для достижения перлокутивного эффекта необходимо усилить экспрессивность содержания путем обозначения в нем пределов противоположного. Сопоставляя крайние точки возможного, отчетливо проецируя негативный / позитивный исход на собственную жизнь, человеку свойственно сопоставить и выбирать противоположное, соответствующее позитивному. Таким образом, наличие одновременно нескольких средств передачи семантики контраста служит нескольким целям: активному воздействию на адресата, усилению интенсификации пословицы и контекста, достижению иллокутивного и перлокутивного эффектов.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологический аспект когнитивной семантики // Русистика. Вып. 2. Киев, 2002.

Боева-Омелечко Н.Б. Межчастеречная антонимия в современном английском и русском языках // Филол. вестн. Ростовского гос ун-та. 2006. №1.

Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2003.

Бочина Т.Г. Лингвокогнитивный принцип паремии // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. проф.

Н.Ф. Алефиренко. Т. 2: Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. Белгород, 2008.

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. М., 1993.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б. Отражение «национального характера» в лексике русского языка // Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. М., 2009.

Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М., 2007.

Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. М., 1973.

Селиверстова Е.И. Пословичный бином как элемент паремиологического пространства языка // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвист. и лингвометод. аспекты): Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, март 2008 г.). М., 2008.